

Искусство историки, или Сочинение о природе историки и истории, с рекомендациями, как писать историю, — общие размышления

Фоссий Г. Й.

Аннотация: Предлагаемый текст — продолжение перевода книги голландского богослова, историка и филолога Г. Й. Фоссия «Искусство историки», начатого в № 23–28 Vox. В одиннадцатой главе определяется предмет истории: вначале вкратце её внешние границы. Основное внимание уделяется его внутреннему содержанию: смысловой связи различных способов повествования и их соотношению.

Ключевые слова: границы исторического предмета; элементы, его составляющие; закономерности и исторические события.

Глава одиннадцатая

Приступим к структуре истории. Как и из чего составляется общее пространство истории: это прежде всего рассказ о человеческих деяниях, которые оформляются или их устраняют из этой формулы. Вопреки тому, что говорит Галикарнасец, сущность истории проявляется в первую очередь не в приятности выражений, а подборе и сочленении доказательства. Вторая предпосылка, ясно предначертанная, состоит в определении границ. Фукидид в этом частично расходится с Дионисием. Историка напоминает зеркало, которое отражает законченные образы. Так, в восьмой книге сочинений Фукидида выносят приговор предшественникам. Третий исторический закон — о правильном припоминании, которое, собственно, и составляет силу истории и предмет сохранённого ею. Дионом Кассием она настойчиво преподносится как закон. По этим показателям оценивается история, как собирающая малейшие подробности. Бочка Данаид, могила Архимеда, которую в Сиракузах открыл Цицерон, которую не замечали местные жители, а современные ораторы ею восхищаются. Отдельные исторические примечания Саллюстия о состоявшихся победах.

Относительно истины. Если сопоставлять души, то они походят на тела, только иначе выявляются (предстают). Если же предпочесть общее обоснование для истории, то оно дано Туллеем, как некое видение; в то же время в нём можно сравнивать структуры.

Её истина триедина и должна быть понята во всех частях. Первое — это вещьность, материя, на которых зиждется тело истории. Это как бы стены дома, возвышающиеся над тем, что накоплено; всё это надо как-то упорядочить, и последующая истина должна быть изложена кратко.

Историческая вещьность составляет некое поле, состоящее не из беспорядочной россыпи слухов, но проводит их, выстраивая в единую линию, либо как цепь комментариев по выдвижению достойных, либо ежедневных событий, или государственных, или городских, которые объявляются публичным действием. Сюда же включаются как объявленные избранными, так и те, которые относятся к народу в целом, — что имел в виду Липсий в замечаниях к 5-му тому *Анналов Тацита*.

Предмет истории, в котором она находит себя, по моему определению — это постоянное определение главной линии, рассказывание, чередование, связывание и отступления от неё. На первом месте здесь действие, на втором плане — привходящие обстоятельства, которые находятся между остальными искони присущими природе.

Его порядок определяется тем, что греки называют размерным повествованием, а латиняне — рассказом *narratio*, что означает не просто рассказывать, но с ясным выражением, с выделением главных моментов и ясно обозначенными отступлениями; такой рассказ может использоваться как постоянная предварительная рекомендация. По мысли Фотия¹, это не просто изливание души, но членораздельный текст, подразделённый по уровням (*Грамматическое подразделение*, стр. 83).

Такое особое рассказывание и составляет предмет истории, включающий всё, что естественно происходит с человеком, и всё, что к этому попутно присоединяется из происходящего с ним, согласно Ливию. Но преобладают здесь собственно человеческие

¹ Фотий (820–896 гг.) — византийский богослов, Патриарх Константинопольский (858–867 гг. и 877–886 гг.).

действия и события, с ними связанные, а не отдельные события, в которых она (история) воплощается.

Человеческие же действия здесь имеются в виду следующие: принимать и взвешивать (оценивать) достоверность поступающих знаний любого вида и ряда в совокупности, которые могут быть представлены в истории. Истина их состоит в том, чтобы с позиций единичного приступать к действиям, которые в философии обозначаются как практика, как моральная, так и гражданская.

Повествование, в котором представляется эта деятельность, предстаёт как единое целое, или как в едином государстве — или для человека в целом, как об этом говорится у Платона.

И это тело возникает, когда уже всё проявилось и всё уже произошло, или во веки вечные, или в данной империи, или в данной линии течения событий.

Третьим упорядочивающим моментом является приведение истории к простоте.

Во все времена конкретная история испытывает влияние всеобщей, предвосхищающей её главный ход, — так и история отдельной империи соединяет в себе множество рассказов об отдельных событиях: таким образом ясно, как целое возникает из отдельных рассказов, и как их можно наблюдать в других эпохах и государствах. Итак, изложение событий строится либо при осознании целого, либо применительно к привходящим обстоятельствам.

Понимания всеобщего касается сочинение Дионисия Галикарнасского, который представляет прекрасные примеры того, как душа человека преисполняется наслаждениями. (Ответы Цинею Помпею по поводу стиля Платона, а также такового у Геродота и Ксенофонта.) И действительно, она переполняется ими, и счастлива, когда видит хотя бы частичное подтверждение, подкреплённое доказательствами. Истинность этого не воспринимается до тех пор, пока не исчезнут сомнения, что всё, что необходимо высказать, опубликовано в книгах.

Нам присуща способность вспомнить самое приятное, ведь мы свободно можем удалять воспоминания, которые уже перешли в разумную форму. Именно так это осмыслено в великолепных произведениях Фукидида. Дионисий, конечно, прав, в своём суждении ссылаясь на представление о счастье Геродота — но именно в описании греческих войн у Фукидида не представляется ни честь, ни счастье. Не усматривает ли Фукидид в том чью-либо вину — нет: кто обрёл славу, тому принадлежит и данное время, или же ничтожество и скудость, которые долгое время оставались, отзываются в воспоминаниях и последующей жизни, обретающей таким образом истину и предвидение общего хода событий, дают возможность подвести их итог.

И рассказы о государствах, которые процветают, поэтому в первую очередь воплощаются не в исторических заключениях. Поэтому главное, чем притягивает история, — не привлекательность, а польза. Об этом возвестил Лукиан: «Любое завершённое историческое произведение полезно, если только оно соответствует истине. Любая истина окрыляет, если воспроизводится в совершенной «соразмерной» форме». Тем не менее вовсе не отрицается, что Геркулес происходит от Никострата, сына Исидора, который был благородным и предприимчивым, что не отрицает его чрезвычайной безнравственности; с другой стороны, Алкей, прекрасный собой Милезий, бывший возлюбленным Никострата, постоянно с ним боровшийся. Подобные истории, где удовольствие ведёт к порокам, привлекают внимание. Поэтому в них есть законченность, позволяющая высказать истину кратко, без особых усилий.

Отсюда вытекает, что удовлетворение приходит не с концом истории, а само ведёт нас к этому концу. Любая история, как бы незначительна она ни была, порождает наслаждение. В целом, если человеческое наслаждение безгранично, оно может вызвать внезапную печаль, поэтому с ним нужно быть осторожной. Мы видим у Лукреция (кн. 4): «Весь человеческий род ослеплён блеском золота»; и важно понимать, куда это может привести; таковы «Эфиопика» Гелиодора, Лукиан и «Похождения осла» Апулея и тому подобные праздные вымыслы.

Иначе подходит к этому Дионисий, осознавая исходные положения, выдвигая плодотворные принципы, которых он старается придерживаться. Всё остальное может предположительно существовать в тексте. Но на деле его нет. Именно это желает показать Дионисий, делая первое различие, которое даёт возможность включения частных; но это делает возможным постижение душ в пространстве истории, а также постижение начала и конца времени, которое в целом и всеобщем история описывает по возможности хорошо, останавливаясь пред вратами будущего, которое нам предстоит. Занятие определённого места, казалось бы, и есть определение — но нет, обязательно выстраивается что-нибудь ещё, и (или) появляется по ходу дела, как второй ряд, или всплывает из прошлых рассказов, или в предсказании, или в конечном суждении; и оно представляется как положительное, или завершающая цитата, или все варианты рассказывания, которые можно представить. И действительно, в том предмете, который создал Геродот, можно видеть предзнаменование Фукидида, если досконально рассмотреть все причины и следствия. Варвары сначала несправедливо обращались с греками; при уточнении говорится, что греки забыли о своей вине перед варварами; Фукидид выступает против того, чтобы приписывать афинянам несчастную долю: для них причины войны не оставались в тайне, в то время как для лакедемонян они

решались огульно и просто. Как показывает Дионисий, они предпочитали, чтобы решали не все граждане, подобно афинянам, а один из них. Я не согласен, что здесь вина Фукидида. Само положение историка обязывает принимать на себя вину — значит, недостаточным был сам предмет — то, что произошло, то и стало причиной, а не Фукидид, рассказавший об этом. Это породило и последующий способ словесного обозначения; Лукиан пишет на этот счёт: «Противоположный пример можно найти у Фукидида: в тростниковых зарослях канала в кварталах Эпиларума флот Гермократа² обернулся против кораблей Гилиппа³, договорившись с ним запереть его там, перегородив канал. И когда всё это вскрылось, то ни Судьба не вступилась, ни Человек не вмешался. Поэтому единственная в своём роде и неприкрашенная история излагается в зависимости от того, что произошло. Судя по тому, что говорит Лукиан, история есть зеркало, представляющая всё в истинном свете, в наиболее подходящих для этого формах. Образы, созданные Фидием, Праксителем, Алкаменом и другими им подобными, на которые можно смотреть, как на совершенный материал, далее отшлифованный, стройный и позолоченный. И потому историк вовсе не приукрашивает то, о чём говорит: что произошло, то и произошло, и этого не изменить; так говорится во всех книгах; порядок установлен сам собой, нужно только сделать его более привлекательным, наглядным, утончённым и украсить его; но это уже дело искусства, а не того, о чём говорит Галикарнасец.

Очень важно здесь то, на что указывает Фукидид, а именно — морские сражения, произошедшие на 22-м году Пелопоннесской войны между афинянами и лакедемонянами возле мыса Кин. Он чрезвычайно восславлен и превознесён, насколько возможно, флиунтианцами⁴. Однако цель истории — не ликование (состояние), а представление; в этом её полезность, и в этом и состоит настоящая мудрость. Недальновидно выяснять, что же Фукидид хотел совершить, написав это. В целом это заняло бы ещё восемь книг, по объёму жизненных обстоятельств, поскольку, согласно Марцелию, причина того, что стиль в произведениях Фукидида долго преобладал над содержанием (Марцелий, «Жизнь Фукидида»). Поэтому предметность Фукидида намного более ёмкая, чем и Ксенофонта, и Теопомпа или иных — именно так определяет её Марцелий.

² Гермокрáт (др.-греч. Ἑρμόκράτης), сын Гермона — тесть Дионисия Старшего, происходил из аристократической сиракузской семьи, V в. до н. э.

³ Гилипп — спартанский военачальник, V в. до н. э.

⁴ Флитус — город на северо-востоке Пелопоннеса.

Тем самым эту двойственность в истории Дионисий называет тройственностью. Предпосылки этого, как он полагает, заложены в самой истории. Согласно этому, Фукидид продолжил самое важное у Геродота. Потом осмысление торжествует, в том, что обобщила история, и в том, что в ней окончательно осталось. В этом утверждении Геродот предшествует Фукидиду. В-третьих, доблесть включает эти три момента. Из-за того, что очевидный план истории возобладал и потеснил другие в плане описания, и в отношении порядка изложения, и в отношении различий и определений — в высказывании многое было упущено и многое высказано не до конца. И уже высказанное заранее определяло содержание в целом. Познание исторической истины, согласно тексту из второй книги речей Цицерона, есть «общая картина великих свершений». И действительно, если оставить в стороне пустословие, то нет ничего плохого в том, что наследуется в моменте — как об этом сообщает Платон в «Тимее». Аммиан использует кн. 26-ю Марцелия при написании истории: «...обычно выбирают направление, позволяющее возвысить собственные действия, неустанно выслеживая причины, которые здесь задействованы (об этом говорит и Роберт Стефанус; ему вторит Конрад Риттенхузий, каждый из них пытается заполнить хотя бы ничтожную частицу целого, чтобы было на что надеяться)». Тем самым пробелы обычно мало проявляются. Обычно неясными местами пренебрегают, главное из рассказа излагается на бумаге. Плутарх так сообщает о жизни Демосфена: «В произведениях, собирающих исторические сведения, — не тех, которые передаются из уст в уста и распространяются на улицах, но постепенно, вначале незаметно, распространяются повсюду в разных вариантах у разных авторов; эти сведения собираются, чтобы устранить сомнения, приводя отдельные случаи, они собирают все книги, чтобы представить этот ряд во всём блеске и эlegantности; книги всех стран и народов, чтобы выявить воспоминания о свободе у разных народов, и, руководствуясь оценкой этого стиля, определить степень достоверности — могут ли для этого послужить отдельные воспоминания; чему человеческая память может научить буквальной передачей на слух содержания со всем усердием; и не всё, что изложено до последней буквы, но только то, что необходимо для постижения целого». Вот выразительное место из Лукиана, предшествующее вышеприведённому (Книга об историописании): «Тот, кто максимально описывает свершившееся, часто упускает главное содержание воспоминаний, или оно пробегается слишком быстро; и всё же при некоторых усилиях можно проследить минимальную линию происходящего и наметить постоянную её направленность. Это так же, как если бы Юпитера Олимпийского во всём его великолепном многообразии не видеть как такового, и не прославлять; и даже в том, что необходимо и уже рассказано, обозначить главные

установки, хорошо их оформив, и тем самым создать постоянные основы, на примере которых можно было бы учиться великому». Далее он определяет точнее: «Необходимо так оценивать высказывания — таким образом, чтобы не представлять это всё как благой подспудный процесс, но добросовестно запечатлеть то, что образуется на его поверхности». Нельзя и просто присоединять к этому построению произведения других авторов. Как говорилось, в них представлено множество копий, но лишь немногие из них дают настоящее продвижение, и тогда почему бы большую часть из них не опустить. К этому можно добавить то, что воодушевлённо воспринимается друзьями во время застолий, — воинственные призывы, описания утвари, всех яств и вообще всего прельстительного — или отвергнуть как незначительное».

Исторические законы вкупе отрицаются в «Хрониках» Доминика Кальматиуса: там утверждается, что свободные женщины, детей которых сожрали волки, опустошили хлебные поля, куры неслись яйцами с двумя желтками, в честь которых ежегодно делали восковые фигурки, которые в голодные годы заменяли им хлеб, петухи неистовствовали или при виде ежа мучили свиней, в июне созревали земляника, горох и вишня в Алсатии (*совр. Эльзас. — Прим. пер.*), и женщины ослабевали из-за детей, а некоторые убивали своих мужей. В некоторых племенах велись регулярные записи самых важных из публичных действий. И, как уже сказано, подобный ряд событий отслеживается Дионом Кассием; всё целое распадается на минуты, всё, что может помочь действовать в моменте, отсутствует, то, что кажется лёгким, не хочет обращаться к прошлому за оправданием — проще всего оставаться нейтральным, не имеющим сведений, или грешить, того не сознавая. Примером такого взгляда является место из «Соразмерной жизни» Ксифилина⁵ (в жизнеописании у Коммода): «Ни одна из сопутствующих и привходящих истин не может умалить весомость исторической последовательности; если речь касается правителей, надо излагать всё наглядно, каждую подробность отдельно, в её описаниях, ни о чём не умалчивая, равным образом излагать самое важное, самое необходимое, надёжно сохранившееся в памяти» И действительно, самое простое здесь — запоминать обстоятельства, связанные с каждым моментом, с деяниями великих мужей (*historia magistra vitae*); и можно непосредственно проследить всё, о чём говорится. Всегда можно помыслить новые смертельные опасности, явно ошибочные, и тем не менее постоянно всплывающие в воспоминаниях. К чему

⁵ Патриарх Иоанн VIII Ксифилин (греч. Πατριάρχης Ἰωάννης Η΄ Ειφιλίνος; 1006, Трапезунд — 2 августа 1075, Константинополь) — Патриарх Константинопольский (1066–1075 гг.), видный византийский юрист и литератор XI века.

отнести то, что неизвестно как возникает, или явно прерывается, или походя вводит в заблуждение, просто в процессе рассказа? Какое стремление к единой и всепобеждающей истине может возобладать, если происходящее можно либо рассматривать досконально, либо предположительно принимать на веру? Первостепенно здесь, как уже говорилось, означивать главных деятелей или выдающуюся доблесть, помимо всякой учёности. Действительно, таков Дамис Филострат, хорошо проследивший по минутам жизнь Аполлона, кн. 1, не избегает того, что может омрачить его светлый путь, но утверждает, что относящееся к божественности при этом не утрачивает своего благоухания. Менее верно — просто собирать всё подряд, уведомляя об этом. Более действенно — говорить об отдельных душах, которые достаточно сильны, чтобы умалить эту веру, таким образом, утверждается иной разум. Если же сравнивать всё в целом, то тем самым определяешь себя как общего наблюдателя. Нужно сравнить всё в целом и каждое по отдельности, чтобы определить, что главенствует, что прямо объявляется как новое, какие подробности, ранее не отмеченные вниманием, могут быть охотно приведены и озвучены наряду с тем, что уже написано. Таковы факты, приведённые Цицероном в кн. 5 о судебных жалобах этрусков: «Чтобы описать благостную жизнь, обращаются к истории отыскания могилы Архимеда». При этом вовсе не отдаётся предпочтение описанию существующих институтов. Но благородный оратор, жаждущий большего прославления, из этого делает неправильный вывод, что Дионисий Сиракузский благословен уже тем, что видел Платона и Архимеда. Архимед же упоминается только в том отношении, что в Сиракузах жаловались на очередное упоминание о его могиле, что для самих сиракузян вовсе не новость. Вот несколько более развёрнутое утверждение, как восклицание, так заканчивающееся: «Даже благороднейшие из греческих граждан, много постигшие, ничего не знают о величественном и остроумнейшем, многого не знают, в частности, о расселении жителей Арпина⁶». Так и возникает институт обсуждения. Обратимся к учёнейшему Петру Викторию⁷ (Варрон, лекц. 10), писавшему наряду с Саллюстием об истории Югурты. Оба они пересказывают о Филенах⁸ и углубляются в многочисленные сведения о Пуническом государстве — Карфагене. Это и предпосылается им — невозможно объять это в целом, если не осветить их множеством подробностей из прошлого. Это можно подтвердить, обратившись к словам Саллюстия: «Если вспомнить об основных

⁶ Арпины — город в Италии, провинция Лацио.

⁷ Пётр Викториум — один из первых флорентийских сенаторов.

⁸ Филены — порт между Карфагеном и Киренами.

областях, где правила Лепта⁹, не испытывая негодования по поводу двух деяний, свершённых двумя известными карфагенянами. О месте этого события часто вспоминают». Если судить в целом, я бы не разделил мнение Саллюстия: «Вовсе не утверждается, что здесь замешаны Филены, но в то же время лептийцы¹⁰, оба Сиртия и многие другие граждане, причастные к этому каким-то образом, упоминаются в связи с фратрией Филенов». Это не значит, что в этом месте Саллюстия надо как-то поправлять — здесь необходимо руководствоваться «Нумидийской войной» Цезаря; провинции были разграблены, как упоминает об этом Дион Кассий в 42-й книге; так что ничего определённого говорить о Филенах нет оснований. Поэтому из высказываний Саллюстия видно, как те суждения из написанного могут быть условными.

Ars historica sive de historiae et historices natura historiaeque scribende praeceptis commentatio

Vossii G. J.

Abstract: The proposed text — the continuation of translation of the Dutch theologian, historian and philologist G. J. Foss, «Ars historica», launched in № 23–28 «Vox». The eleventh chapter defines the subject and laws of history, briefly describes its external boundaries. The main attention is paid to its internal content: the semantic connection of various methods of narration and their relationship.

Keywords: historian, border, narrative, historical law, event, proof, image, story.

Перевод с латинского Лаврентьева Всеволода Серафимовича: lavrsv4@gmail.com

⁹ Лепта — старая финикийская колония на севере Африки.

¹⁰ Лептийцы — жители Лепты, старой финикийской колонии на севере Африки.